

И. Хародчинская.

Воспоминания о Г. В. Плеханове.

Георгий Валентинович Плеханов проводил обычно лето в Швейцарии, в Женеве.

Квартира Плехановых в Женеве помещалась в центре города, на rue de Candolle. Эту улицу, дом, где жил Г. В., знали многие поколения русской учащейся молодежи, революционеры и социалисты различных стран и разных формаций, передовые общественные деятели, эмигранты, литераторы, журналисты и художники, все, кто, попадая в Западную Европу, стремился увидеть и услышать великого учителя и революционера. И эти скромные стены на rue de Candolle, приютившие Г. В. и его семью на долгие десятилетия, видевшие так много выдающихся деятелей революции и международного рабочего движения, имеют все права на память истории.

О личности Г. В., о быте и домашнем обиходе его семьи говорилось в женевских, студенческих и эмигрантских кругах очень много. И рядом с благоговейными тут и там раздавались критические неодобрительные слова: Г. В. держится обособленно, недоступно, в его отношениях к товарищам нет простоты, к нему нельзя прийти за просто посидеть и поговорить. Настроенная, таким образом, несколько предубежденно, я первое время зорко всматривалась в Г. В., мысленно примеряла к нему то, что слышала, проверяла свои впечатления и в конце-концов пришла к тому выводу, что Г. В. не знают, что здесь кроется какое-то недоразумение или недомыслие. Г. В. болел в течение долгих лет, иногда его болезнь обострялась, иногда он чувствовал себя сравнительно хорошо, но постоянно он нуждался в особом уходе и покое. Его приходилось оберегать и от многочисленных посещений, и от пагубных для его здоровья выступлений и диспутов, и от утомительных споров и бесед с товарищами. Этим объясняется та «замкнутость», та «недоступность», о которой говорилось в студенческих и эмигрантских кругах. Кроме того, нужно еще сказать, что Г. В. работал очень много, работал систематически, непрерывно, неустанно, не отрываясь даже в болезни. Его рабочий

день был заполнен доотказа, и он не любил, когда его отвлекали от работы, не любил менять без серьезного к тому повода твердо установленный порядок дня. Он ценил свое время, и он не любил праздных разговоров. В дальнейшем я убедилась, что для людей, приходивших к нему по серьезному делу, он находил и время и силы, на серьезно поставленный вопрос давал обстоятельный ответ, на собрание, которое он считал нужным и важным, он приходил после утомительной работы, иногда недомогающий, не обращая внимания на предписания врачей; выступал и говорил тогда, когда ему врачи запрещали это делать. Об этих обстоятельствах женевские товарищи, судившие о Г. В. вкривь и вкось, не знали ничего или не придавали им того значения, какое они заслуживают.

Это предубеждение, созданное толками и слухами, исчезло бесследно и навсегда в то самое мгновение, когда я увидела Г. В. в первый раз, когда он встал быстрым легким движением со своего кресла и пошел ко мне навстречу с приветливой улыбкой на лице, с радужными, такими простыми и теплыми словами первого приветствия. Его внешний облик производил чарующее впечатление. Это был 1912 год. Г. В. чувствовал себя сравнительно хорошо, выглядел бодро и молодо. Г. В. одевался с большой тщательностью, он умел носить самые простые вещи, и во всей его фигуре было много изящества. Я нахожу, что на тех многочисленных портретах, которые у нас имеются, облик Г. В. очень теряет. Изящество, которое было так приятно в живом Плеханове, производит на многих портретах впечатление фатоватости. А то очарование, которое придавали его лицу глаза с густо заросшими, длинными бровями, мягкая улыбка, так часто освещавшая его глубоко сосредоточенное лицо кротким теплым светом, фотографический снимок не в силах передать; оно осталось в памяти тех, кто его когда-либо видел. Трудно было отдать себе отчет, что именно придает этому человеку то обаяние, которое испытывали на себе все знавшие Плеханова. Прежде всего, чувствовалось, что перед вами большой человек и этот большой человек обладал такой приятной манерой говорить и обращаться с людьми; в нем было много мягкости. Плеханов—боец и революционер, беспощадный полемист и резкий спорщик—был необыкновенно мягок и изысканно вежлив в личных отношениях. И эта светская вежливость соединялась в нем с большой простотой. В его голосе звучали мягкие, ласкающие слух ноты. Он обожал детей, и дети его любили. Он любил животных. Я помню, что в доме Плехановых имелся маленький серый котенок—любимец Г. В. Звереныш очень часто входил во время работы в кабинет, влезал на кресло Г. В. и устраивался у него на плече. Г. В. встречал его очень приветливо, гладил рукой, обращался к нему с ласковыми словами.

Это была удивительная картина.

Квартира Плехановых состояла из нескольких небольших комнат, обставленных самой простой, незатейливой мебелью. Лучшую ком-

нату занимал кабинет Г. В., выходявший окнами на тихую неторговую улицу. По другую сторону улицы тянулся молчаливый фасад женеvского университета, с прилежавшим к нему с одной стороны садом (Bastion). Пространная комната производила с первого же взгляда впечатление настоящей лаборатории ученого и мыслителя. По стенам тянулись простые, заставленные книгами полки; кое-где—репродукции из западно-европейских музеев, Моисей Микель-Анжелло, снимки картин эпохи итальянского возрождения, гипсовый бюст Вольтера, прекрасный портрет Карла Маркса в большой раме; этажерка со специально подобранной литературой по искусству и по истории первобытной культуры; большой письменный стол, беспорядочно заваленный книгами, письмами, газетами, журналами на всевозможных наречиях и всевозможных направлений и оттенков; несколько мягких стульев, большое, невысокое кресло, в котором сидел Г. В. во время работы, книги на маленьких столах у окна, а иногда и на полу,—вот все убранство кабинета. Г. В. не любил, когда убирали его стол. Он говорил с добродушным укором, что после наведения порядка ничего не найти.

Летом 1912 г. я приехала в Женеву для работы у Г. В. в качестве секретаря. В это время Г. В. был занят «Историей русской общественной мысли», подготавливая часть II—«Движение общественной мысли в допетровской Руси». Он был занят предварительной разработкой материала и к изложению должен был приступить только через неделю. За это время мне предстояло сделать ряд выписок из различных древних источников, присланных ему на время из Харьковского университета. Г. В. получал книги и материалы, необходимые для работы, со всех концов мира. Он пользовался богатейшей библиотекой Н. А. Рубакина, жившего в Кларане. Рубакин присылал по почте с полной готовностью все, что у него имелось. Г. В. посещал библиотеку женеvского университета, брал книги в женеvской эмигрантской библиотеке, выписывал из России, был подписан на целый ряд заграничных изданий, получал книги от товарищей из Парижа и Лондона, от авторов, издательств и т. д. и т. д. Это был какой-то могучий книжный поток; каждый день прибывало что-нибудь новое, каждый день приходилось относить на почту и отправлять владельцам уже проработанное и использованное. Очень часто Г. В. запрашивал и ждал материалы, не представлявшие непосредственного интереса, нужные лишь для того, чтобы проверить источник, который предстояло использовать.

Мне трудно восстановить в памяти, о чем говорилось в мое первое посещение. Запечатлелись лишь отрывки, моменты беседы. Говорили о жизненных условиях и настроениях женеvской эмигрантской колонии, о подавленном настроении в эмигрантской среде. Г. В. заметил, что товарищи живут обособленно, замкнутыми кружками, после нескольких лет эмигрантской жизни не знают языка той страны, что их приютила, не идут в производство, на заводы и потому многие

опускаются; одинокие, охваченные тоской по родине, не имея никакой почвы под ногами, падают духом, теряют веру в себя и революцию, поддаются ликвидаторским настроениям. Меня Г. В. расспрашивал обстоятельно о настроениях студенчества. Ему было приятно узнать, что на Высших курсах (я была слушательницей только что открывшихся курсов экспериментальной педагогики) в изучение истории литературы и общественной мысли некоторые молодые преподаватели (я имею в виду ныне известного профессора Эвергетова) вводят марксистский метод исследования, что литературно-критические статьи Плеханова рекомендуются слушателям как пособия по изучению истории литературы. Я ему рассказала о той культурно-просветительной работе, которую проводила студенческая молодежь в 1910—1912 гг. в рабочих кружках. Г. В. заметил, что нельзя не приветствовать всякое культурное начинание в рабочей массе, всякую просветительную работу, но ею нельзя заменять работу революционную. Сейчас в годы реакции и развала, в эпоху всяческих ликвидаторских настроений революционная деятельность стала сугубо подвигом. Но революционная борьба нужна, ее нельзя заменить никаким культуртрегерством.

Говорили о литературе, о последних новинках. Незадолго до того вышел роман А. Франса «Les dieux ont soif» («Боги жаждут»). Г. В. прочел его в подлиннике. Он высказался с большим восторгом о романе, считая, что он представляет собою крупное явление во французской литературе не только как высоко художественное произведение, но и как прекрасное отображение великой эпохи.

Узнав, что мне предстоит сдать на курсах работу об эстетических взглядах Чернышевского, Г. В. живо заинтересовался темой, предложил оформить ее в рамках социального противопоставления взглядов Чернышевского, фейербахианца, материалиста, эстетическим теориям, построенным на философском идеализме Канта; дал мне заглавие для реферата: «Утилитарная эстетика и искусство для искусства», предложил мне свою помощь, указал, кого следует использовать в этой работе, как ее нужно построить, тут же подошел к полке с книгами и отобрал ряд книг по философии и эстетике. Когда же я заметила, что такие солидные философские труды, как произведения Канта, мне не по силам, он ответил:

— Так я же вам помогу. Все, что не поймете, вы спрашивайте у меня!

В дальнейшем Г. В. часто интересовался, как идет моя работа, что я прочла, как думаю использовать и расположить материал.

Постараюсь описать, как работал Г. В., как распределялся его рабочий день.

В доме Плехановых все вставали очень рано и все бывали заняты целый день.

Г. В. уходил с утра на прогулку, всегда с книгой. Я приходила в 10 час. утра и заставляла Г. В. сидящим в кресле сбоку от письмен-

ного стола. Г. В. не любил, когда опаздывают, сам строго придерживался выработанного расписания дня и требовал того же от тех, кто с ним работал. Г. В. диктовал свое изложение четко, не быстро, ровным, твердым спокойным голосом. Мне приходилось писать под диктовку, придерживаясь его темпа и без лишних раздражавших его повторов и расспросов. Иногда он пользовался заранее приготовленными набросками, конспектами; цитаты и выписки из разнообразнейших источников были всегда наготове; и диктант шел плавно, без перерывов. Иногда он заставлял перечитать предыдущее изложение. Но он никогда не вставал во время работы, никогда не отвлекался. Слова лились вольно, легко и равномерно. Казалось, что мысль давно уже продуманная, наметила себе этот путь, облеклась в эту форму и ранее, только ждала момента, когда она сможет вылиться в эти чеканные, такие подходящие для нее слова. Жаль, что лицо и фигура Плеханова не запечатлена именно в эти часы глубокой мысли и творчества. Он сидел в низком кресле, иногда подперев голову рукой, иногда играя карандашом (у него в кармане бывал всегда целый ассортимент маленьких карандашей). Если приходилось вставлять большую цитату, Г. В. пользовался этим временем для того, чтобы просмотреть газету, рылся в журналах, книгах, а иногда, бывало, задумается, и взгляд его становится грустным. В эти минуты его лицо, вся его фигура обретала особое очарование. Я невольно любовалась им. Уловив на себе мой взгляд, Г. В. обращался ко мне с вопросом: «Вы хотите что-то сказать?». И лицо его преображалось. Только что оно было таким сосредоточенным, казалось, что Г. В. так далеко, в дебрях мысли, и вдруг выражение углубленности, отрешенности сменялось ласковой улыбкой, и Г. В. казался таким близким и родным. В час дня работа прерывалась. Г. В. обедал, отдыхал, совершал снова прогулку или, когда чувствовал себя вполне здоровым, ходил в библиотеку.

В пять часов вечера работа возобновлялась и продолжалась до восьми часов вечера. От этого расписания Г. В. отступал только тогда, когда он был болен.

Бывали у нас и частные беседы, но они происходили только до или после занятий.

Случалось, что Г. В. бывал недоволен написанным и на следующий день переделывал то, что было написано накануне, выбрасывая одно, вставлял другое, развивал подробнее мысль, намеченную ранее только вскользь, перекраивал иначе изложение, вставлял новые абзацы. Часто приходилось брать ножницы, разрезать исписанные листки и склеивать отдельные части в другом порядке. Г. В. часто спрашивал меня:

— Вам ясно, понятно, какой вывод вытекает из изложенного?

Он проверял себя, интересовался тем, как это будет воспринято читателем, сделает ли читатель тот вывод, какой ему желателен, достаточно ли ясно и просто изложена мысль.

В статье «Искусство и общественная жизнь», разбирая буржуазных писателей Франции XIX века, он упомянул вскользь имя Ожье и спросил меня:

— Вы слышали когда-нибудь о таком писателе?

— Как же,—ответила я,—комедия этого автора «Le gendre de m-g Poigier» была включена в нашу французскую хрестоматию и преподносилась в последних классах гимназии как образец классической французской литературы.

— О, тогда следует остановиться на нем подробнее и отчитать его как следует!

Это место было дополнено. Плеханов назвал эту комедию драматической пошлостью Ожье.

Окончив главу или статью, Г. В. выражал желание, чтобы жена прослушала написанное и высказала свое мнение. Жена была для Г. В. верной спутницей в жизни, другом и товарищем. Он ценил ее мнение, и ни одна работа не отправлялась в печать без ее одобрения. Если Розалия Марковна Плеханова в намеченный для прочтения день бывала занята, то чтение откладывалось. Бывало, что при чтении присутствовали его ближайшие товарищи. Я прочитывала всю главу вслух. Г. В. делал последние поправки, спрашивал слушателей, каково их впечатление, нет-ли у них каких-либо замечаний; обменивались мнениями, и глава считалась законченной и отправлялась в печать.

В воскресные дни Г. В. предпринимал прогулки за-город, либо осматривал музеи, всегда с женой. Часто Г. В. приглашал и меня. Однажды были в Женевском музее. Начали с доисторического периода. Г. В. прочел нам настоящую научную лекцию о быте и экономике примитивного человека. Затем перешли в залы, посвященные швейцарской живописи XIX века. Особенно врезалась мне в память, как весело смеялся Г. В. в одном зале перед картинами Годдлера. Серия картин изображает в нескольких комических сценах известную басню о том, как один крестьянин отправился в сопровождении малолетнего сына в город продавать осла. По совету мимо проходивших местных крестьян, он то садился сам на осла, то сажал сына, а сам плелся рядом, затем взгромоздился вместе с сыном на несчастное животное и, наконец, взвалил осла на плечи и так добрался до города, ко всеобщему удовольствию собравшейся на ярмарку крестьянской толпы. Эти сцены, проникнутые подлинным весельем, живым, свежим юмором, прекрасно рисуют народный быт. Г. В. смеялся от души и над подбоченившимися характерными фигурами баб, заливавшихся дружным хохотом, и над красочной толпой крестьян, и над растерявшимся путешественником.

Г. В. любил шутку, иронию, остроту. Юмор составлял основную черту Плеханова: Он любил пошутить, но шутки его бывали такие тонкие, что часто собеседник, мало знавший Плеханова, не мог уловить иронии в его словах.

Однажды на берегу моря в Сан Ромо Г. В. столкнулся с двумя русскими курсистками, сидевшими с книжкой. Завязался разговор; Г. В. поинтересовался узнать, что девицы читают. Узнав, что это Вербицкая, он стал с самым серьезным видом расспрашивать, какие достоинства находят они в произведениях этого автора, какие вопросы ставит и разрешает эта прекрасная писательница. Девицы отвечали охотно, полагая, что собеседник разделяет их вкус, ценит Вербицкую. А в его вопросах было так много яду, он так тонко и остроумно посмеивался и над Вербицкой и над ее читательницами, что мы, присутствовавшие при этой беседе, с трудом удерживались от смеха. Собеседницы ушли вполне довольные, а Плеханов заметил уже с досадой:

— Вербицкая—писательница, она разрешает серьезные проблемы, в ее романах тонкая психология! Какая пошлость! А ведь ее, говорят, читают сейчас очень много! И это студентки!

С большим юмором Г. В. рассказывал об одном эпизоде, происшедшем в Лондоне с Горьким. Один английский художник (я забыла его имя) нарисовал типы из пьесы Горького «На дне». Он пригласил знаменитого русского писателя вместе с Плехановым посетить его ателье. Он хотел показать Горькому свои картины. Плеханову пришлось взять на себя роль переводчика. Художник, взволнованный и польщенный посещением столь прославленного писателя, встретил своих гостей с радостью и изысканной любезностью. Он наговорил миллион комплиментов по адресу Горького и стал показывать картины, заглядывая Горькому в лицо с подобострастием и нетерпением услышать лестный для себя отзыв. Горький сидел недовольный и угрюмый. Картины ему не понравились. Он выругался красочными русскими словами. Положение создавалось крайне неприятное. Г. В-чу было жаль художника. Он сказал, что его соотечественник в восторге от картин, что он чрезвычайно благодарен художнику и находит, что типы из «На дне» удались ему как нельзя лучше, что художник проявил большое психологическое проникновение. Горький продолжал ругаться, а Г. В., спасая положение, передавал невозмутимо слова Горького в вольном переводе. Счастливый и польщенный англичанин смотрел на Горького все же с опаской и, провожая гостей, не мог не выразить своего недоумения и заметил Г. В-чу:

— Вы говорите, что ваш соотечественник в восторге от моих картин, а у него такое недовольное, сердитое лицо!

Г. В. любил наблюдать людей самых разнообразных, любил беседовать с людьми, с которыми, казалось бы, у него не может быть абсолютно ничего общего.

Припоминаю такой курьезный случай, происшедший в Женеве в то же самое лето 1912 г. Мы с Г. В. сидели в Бастионе, когда к нам подошла дама купеческого вида, слышавшая русскую речь. Она обратилась к Г. В. с вопросом, не знает ли он, где можно купить хорошие часы; она слышала, что женевские часы славятся на весь

мир. Г. В. с самым серьезным видом стал пространно объяснять ей, как надо пройти на такую-то улицу, в такой-то магазин. Между ним и словоохотливой барыней завязался любопытный разговор. Она поведала, что впервые в жизни попала за границу. Сын, приехавший с нею, удрал в Париж повеселиться и оставил ее одну. Какими-то путями разговор перешел на религиозную тему. Г. В. заявил, что верит в бога так же слабо, как и в чорта, и советует ей от души переосмотреть свои взгляды на сей предмет. Оскорбленная и испуганная дама поспешила прочь от нас, сказав на прощание, что она будет молиться за грешную душу безбожника. Эта встреча доставила нам большое удовольствие. Г. В. долго посмеивался, вспоминая, в какой ужас он вверг свою верующую собеседницу. А я и сейчас вспоминаю с восторгом, сколько убийственной иронии было в его словах и как он умел сохранить при этом серьезный, проникнутый полным уважением к собеседнику тон.

Однажды Г. В. рассказал, как ему привелось посетить одного видного немецкого ученого и профессора (Плеханов не любил буржуазных ученых, а пуще всего профессоров). Он был приглашен к обеду. Жена ученого, подавая Плеханову первое блюдо, обратилась к нему с большим почтением: «Gefälligst, Herr Professor»...

Г. В. поправил хозяйку, заметив с улыбкой:

— Ich bin kein Professor.

Второе блюдо хозяйка протянула со словами: «Gesälligst, Herr Doktor», произнесенными уже менее учтивым тоном. Плеханову пришлось и на этот раз внести свою поправку, ибо он не доктор. В дальнейшем изумленная фрау-профессор не обращала на своего гостя больше никакого внимания, ибо в ее глазах человек, не имеющий никакого ученого звания, ничего не может собою представлять.

С наступлением осени Г. В. с семьей переехал в Сан-Ремо. Я последовала за ними. По дороге он соблазнился папским дворцом и остановился в Авиньоне. Он никогда не упускал случая осмотреть что-нибудь новое или обойти какую-нибудь галерею иногда в десятый раз. И он знал западно-европейские музеи, пинакотекы, глиптотеки, палатцы, храмы и часовенки, действительно, прекрасно. Он часто говорил с грустью, что с русскими музеями, с русским искусством он знаком, как иностранец, только по репродукциям. В молодости до эмиграции было не до того. То была пора революционного подвига, служения народу, тогда знали одну задачу: освобождение народа, и все, что в эту задачу не входило непосредственно, считалось лишним, ненужным. Потом наступили долгие годы эмиграции, десятки лет изгнания. Г. В. никогда не сетовал на свою судьбу эмигранта. Но в такие минуты лицо его становилось грустным, а в словах звучала подлинная тоска и скорбь.

Осенью и зимой 1912 г. Г. В. отрывался от работы по «Истории русской общественной мысли» несколько раз. За это время им было написано несколько мелких литературно-критических работ: «Искус-

ство и общественная жизнь», рецензия на вышедшие в тот год «Письма из Сибири Чернышевского», рецензия на роман Ропшина «То, чего не было». Политических статей мне не приходилось писать.

В это же время Г. В. получил от неизвестного рабочего из Шотландии письмо. Автор сообщал, что он изучает прошлое своей родины и имеет в виду написать работу, посвященную историческому развитию Шотландии. Она знаком с марксизмом, знает о существовании теории исторического материализма, слышал о том, что Плеханов развил и применил этот метод, но он не читал его произведений, написанных на недоступных ему языках. Желая изучить и использовать в своей исторической работе этот новый научный метод, он просит Г. В. прийти ему на помощь советом и указаниями. Г. В. обрадовался этому письму чрезвычайно. Он отложил текущую работу и приступил к составлению для своего незнакомого корреспондента целого руководства. Прежде всего, предстояло перевести на английский язык главу из брошюры «Основные вопросы марксизма». Но так как в русском тексте этой книжки под рукой не оказалось, а переводчица, которой предстояло перевести на английский язык, немецкого языка не знала, пришлось перевести немецкий текст на русский язык. Г. В. проверил перевод, который был направлен дальше для английской обработки. Этот текст из брошюры «Основные вопросы марксизма» был снабжен дополнительными комментариями. Через некоторое время от шотландского рабочего был получен восторженный, полный благодарности ответ. В дальнейшем Г. В. откликался на все его вопросы с большой охотой.

Я не знаю, написал ли шотландский рабочий задуманное им в 1912 г. историческое исследование, но думаю, что переписка его с Плехановым и составленное Плехановым с такой заботливостью и вниманием пособие представляли бы собою ценный вклад в плехановское наследие.

Два события этого времени доставили Г. В. особую радость: выход в свет писем Чернышевского и появление на немецком языке первого издания полного собрания сочинений Фейербаха. Прибытие очередного тома сочинений Фейербаха было поистине праздником среди трудовых будней. А письма Чернышевского из Сибири он ценил особенно по двум причинам: во-первых, эти письма подтвердили лишней раз ту основную плехановскую мысль, что взгляды Чернышевского сложились на основе Фейербахова материализма; во-вторых, в этих письмах вылился интимный Чернышевский, Чернышевский—человек. Плеханов ценил Чернышевского не только как мыслителя и революционера. Ему был дорог и близок весь облик Чернышевского. Рецензия на письма Чернышевского писалась с чувством подлинной любви. Плеханов любил Белинского, Добролюбова, французских материалистов, материалистов древней Греции, Гегеля, Фейербаха, Спинозу, своих учителей и предтечей. Но с особой любовью, после Маркса и Энгельса, он относился к Чернышевскому.

Г. В. часто расспрашивал меня, как и чему учат нас в наших университетах и на курсах. Я рассказала ему, между прочим, что философия Гегеля (мне привелось прослушать цикл лекций, посвященных учению Гегеля на Высших Женских Курсах) для курсисток первого курса, мало искушенных в философских проблемах, совершенно недоступна. Мы все знали, что философия Гегеля—философия революционная и с нею надо познакомиться. Но, увы! она оказывалась нам не по зубам. Г. В. заметил:

— Виноват не Гегель, виноваты ваши профессора. И Гегеля можно облечь в простую и понятную форму.

И за этими словами следовало изложение основных положений гегелевской диалектики, его учение о трех фазисах развития, над которыми мы тщетно ломали себе головы, в такой логически ясной и простой форме. И тогда мне казалось: да ведь это учитель, божьей милостью, ему бы за профессорский попир, в нашу курсовую аудиторию!

Но была одна область, где можно было слушать Г. В. часами, где все, что он говорил, было не только бесконечно содержательно и интересно, но и ново в те годы. Этой областью было искусство. Г. В. понимал и чувствовал произведение искусства, он любил каждое проявление художественного творчества человечества, ценил малейшее проявление красоты так, как немногие. Тонкий художественный вкус, непосредственное чувство красоты, энциклопедические знания во всех областях искусства всех народов и всех времен и строго научный об'ективный метод—такое в то время небывалое соединение казалось прямо откровением.

Г. В. был большим поклонником эллинской культуры, любит древне-греческую мифологию, противопоставляя ее тонкость, легкую грацию и безыскусственность топорности, тубности, напр., германских сказаний.

После моего отъезда из Италии (в 1913 г.) прошло четыре года, и я увидела Г. В. снова лишь в 1917 г., после революции.